

В столице стоял апрель — время, когда природа возвращается к жизни, а небо поутру было синим, словно его только что вымыли, выдался редкий даже по меркам года прекрасный день.

Утренняя температура была низковата, и холодный ветер, врываясь в окно машины, заставил пьяного пассажира, развалившегося на заднем сиденье, чихнуть.

— Приехали, — водитель нажал на счётчик, и таймер начал печатать чек.

Вэнь Сяохуэй открыл уставшие глаза и с трудом поднялся с заднего сиденья:

— М-м, приехали?

— Приехали, — водитель глянул в зеркало заднего вида, слегка раздражённый. Ночные водители, проработавшие всю смену, редко бывают в хорошем настроении, особенно если везут пьяного.

В зеркале отражалось бледное и красивое лицо. Хотя веки были опухшими от выпивки, а волосы растрёпаны, всё же угадывались изящные черты, острый подбородок и нежная, будто фарфоровая кожа. Внешность — явно мужская, но с женскими чертами.

Вэнь Сяохуэй глубоко вздохнул:

— Сколько?

— Сорок шесть.

Рука Вэнь Сяохуэя, тянувшаяся за деньгами, замерла, а голос взвился:

— Сколько?!

— Сам посмотри.

Вэнь Сяохуэй зевнул, прочистил горло, и голос его протрезвел на все сто:

— Эй, мастер, вы что, шутите? Я, возможно, езжу по дороге от Саньлитуня до моего дома даже чаще вас. Без пробок максимум тридцать пять, а вы тут где-то нагулялись, да?

Водитель выглядел слегка виноватым:

— В районе больницы Чаоян авария была, я немного объехал...

— Ой, немного объехали? Если бы вы ещё больше свернули, мы бы уже на гору Сяншань отправились встречать рассвет. Думаете, я пьяный и ничего не соображаю? Я вам скажу, я хоть и выпил, но всё вижу как на ладони.

Вэнь Сяохуэй вытащил тридцать пять юаней и бросил на переднее сиденье:

— Вот, больше ни копейки.

Водитель возмутился, грубо бросив:

— Так нельзя, вы что, хотите, чтобы я зря гонял?

— О, чтобы не зря, я могу вам тут в машине разгрузиться, я вчера хорошо принял на грудь, —

Вэнь Сяохуэй сделал вид, что его тошнит.

Водитель пробормотал ругательство:

— Ладно, ладно, уходите уже, мне просто не повезло.

Вэнь Сяохуэй закатил глаза, открыл дверь и вышел. Водитель, закрывая окно, бросил:

— Грязный урод.

Вэнь Сяохуэй резко обернулся:

— Иди ты...

Он замахнулся, чтобы пнуть дверь машины.

Но водитель уже вдавил газ и уехал.

Вэнь Сяохуэй пнул воздух, разозлённо показал средний палец в сторону такси и снова чихнул. Сопя, он пробормотал:

— Козёл... Эх, надеюсь, не простудился.

Он поспешил домой, понимая, что если мама проснётся до его возвращения, ему конец.

Подходя к своему дому, он издали заметил женщину в чёрном пальто — высокую, стройную, с длинными обнажёнными ногами в тонких каблуках. Густые чёрные волосы свободно спадали на плечи, а на лице, несмотря на раннее утро, были солнцезащитные очки. Алая губа ярко выделялась на фоне бледной кожи. Он мысленно оценил её внешность на восемь баллов, но тут же понял, что что-то не так. Женщина выглядела всё более знакомой.

— Сяохуэй.

Женщина сняла очки, когда он подошёл ближе. Как и ожидалось, красивая, с изящными бровями, высоким носом и острым подбородком, но глаза опухшие, словно у человека, который долго и горько плакал.

Вэнь Сяохуэй почувствовал, как сердце ёкнуло. В душе поднялась буря: гнев, отвращение, удивление. Он не ожидал, что Сунь Ин сама к нему подойдёт:

— Звать по имени-фамилии? Мы что, близкие, тётя?

— Сяохуэй, у меня нет времени на перепалки.

Сунь Ин опустила голову, словно пытаясь собраться с мыслями.

— Зачем ты здесь? Говори быстрее, а то я крикну, и моя мама с метлой сбежит сюда и тебя прогонит.

Сунь Ин подняла глаза, её красные глаза выглядели трогательно:

— Яя ушла.

Вэнь Сяохуэй замер, дыхание остановилось. Яя? Разве не так звали его сестру? Что значит

«ушла»?

— Сяохуэй, Яя ушла. Твоя сестра ушла. Самоубийство.

— Ты...

Вэнь Сяохуэй хотел сказать, что она врёт, но слова застряли в горле. Всё вокруг завертелось, он едва мог дышать, словно мир перевернулся. Ему стало так дурно, что он едва устоял на ногах.

Он огляделся.

Обычное тихое утро: старик выгуливал собаку, бабушка с сумкой шла за покупками, девушка бежала на пробежку, дети — в школу. Всё в этом старом районе, где он жил больше десяти лет, выглядело так же, как и вчера. Он, как и во многие другие утра, тихо возвращался домой после ночных развлечений. Единственное отличие — женщина, которую он не хотел видеть, стояла здесь и ждала его, принеся новость, которую он не мог принять. Что случилось с этим миром? Почему всё вдруг изменилось?!

Его сестра умерла? Как это возможно? Та женщина, чьё сердце было жёстче, чем у кого бы то ни было, — как она могла покончить с собой?

Сунь Ин всхлипнула и достала из своей кожаной сумочки Birkin белый конверт:

— Это предсмертное письмо Яи. Она сказала, что его нужно передать тебе.

Вэнь Сяохуэй дрожал всем телом, резко оттолкнул её руку и заговорил сбивчиво:

— Ты что, психопатка? Эта женщина давно не имеет отношения к нашей семье, её жизнь или смерть меня не касаются!

Она должна была оставаться в его памяти яркой и бесстыдной, но смерть? Самоубийство? Зачем? Зачем ему это говорить, он не хотел этого знать!

— Сяохуэй, послушай меня. Ты единственный, кому Яя могла доверить свои последние дела. Именно поэтому я пришла к тебе.

— Последние дела? Ха, кроме наследства, мне ничего не нужно. Я не хочу тебя видеть, уходи, уходи!

Вэнь Сяохуэй чувствовал, что сердце вот-вот не выдержит. Ему нужно было срочно найти место, чтобы спрятаться и справиться с нахлынувшими эмоциями. Он бросился к подъезду.

Сунь Ин крикнула:

— Есть наследство!

Вэнь Сяохуэй не остановился.

— И есть ребёнок!

Вэнь Сяохуэй замер, словно ноги стали ватными.

Ребёнок... Он слышал, что у Яи и того мужчины был ребёнок, уже не маленький. Он никогда

его не видел, даже не знал, мальчик это или девочка. Все эти годы они молчаливо считали, что Яи больше нет, и потому не упоминали ничего, связанного с ней. После смерти отца он думал, что никогда больше не услышит о Яи. Никогда бы не подумал, что через четыре-пять лет новость о ней будет вестью о её смерти.

Сунь Ин подошла ближе, всхлипывая:

— Сяохуэй, Яя в письме всё объяснила. Часть её наследства оставлена тебе и твоей маме. Она только просит, чтобы ты позаботился о её ребёнке, твоём племяннике.

Вэнь Сяохуэй повернулся к ней, злобно глядя, глаза налились кровью:

— Убирайся.

Сунь Ин сунула письмо ему в руки, отступила на два шага. Её каблуки отстучали по земле звук, похожий на разбитые сердца. Она закрыла лицо руками, слёзы хлынули, и она убежала.

Вэнь Сяохуэй стоял как вкопанный, наблюдая, как письмо падает на землю. Он не мог сдвинуться с места, словно ноги прилипли.

Прошло много времени, прежде чем он почувствовал, как что-то холодное коснулось щеки. Он дотронулся — оно было мокрым. В этот момент он почувствовал, как все силы покинули тело, и он рухнул на землю. Дрожащими руками поднял письмо.

— Сяохуэй, что с тобой?

Соседка, тётя Ван, вышла из подъезда с сумкой покупок.

Вэнь Сяохуэй, опустив голову, пробормотал:

— Ничего, просто перебрал вчера. Только маме не говори, ладно?

— Эх, ребёнок, в молодости здоровье портишь, а потом пожалеешь...

Тётя Ван прошла мимо, бормоча себе под нос.

Вэнь Сяохуэй дрожал, зрение затуманилось. Он почти на четвереньках поднялся с земли, схватил письмо и, шатаясь, побрёл к дому, ворвался внутрь. Он уже забыл, что нужно было тихо открывать дверь, захлопнул её за собой и бросился в свою комнату, накрывшись одеялом.

Яя ушла. Самоубийство. Самоубийство. Самоубийство...

Вэнь Сяохуэй стиснул губы, стараясь не издавать звуков, но слёзы уже пропитали простыню.

— Сяохуэй?

Фэн Юэхуа открыла дверь.

— Ты, заяц, опять гулял всю ночь, да?

Вэнь Сяохуэй слышал только шум в голове. У него была одна мысль: мама не должна узнать.